

В три с половиной года трудно было представить и осознать, что такое «война». Только потом мне стало ясно, что война — это самое страшное, что может быть: смерть, голод, холод, слёзы, разруха. Репродуктор в доме не выключался. Все в семье — отец, мать, братья — замирали на месте, когда Левитан передавал сводки информбюро. Окна по вечерам тщательно драпировались, чтобы свет от керосиновой лампы не проник ни в одну щелку.

ОТЦА НА ВОЙНУ не забирали — наложили бронь. Но мы его не видели сутками. У него была такая работа, что и ночью могли вызвать в райком. Это случалось часто. Вывозили хлеб и сельхозпродукцию на элеваторы — всё для фронта. Поэтому и существовал в посёлке «Уполминзат», а папа

Дети войны

Пальтишко из шинели

Фото предоставлено автором

Я с папой Сверчковым
Иваном Романовичем

был уполномоченным. Спрос был жёсткий.

Мама каждый день ждала из военкомата повестку, но её принесли не отцу, а моему старшему брату Николаю, он учился в десятом клас-

се. Помню, как мы провожали его хмурый, холодным осенним днём. На прощание он подхватил меня на руки, подкинул вверх, а потом быстро ушёл. На открытом грузовике, под леденящим ветром мой брат уезжал на войну. Но нам посчастливилось — он вернулся живой, но раненый. Ему выбили глаз, над бровью остались осколки, которые всю жизнь давали о себе знать.

Жили как и все. Хлеб пекли из картошки, добавляя несколько горстей муки. Из молокозавода приносили пропущенку и на ней нам варили кашу. Как и все дети в ту пору, ели траву весной — пестушки, полосатики, курепу. Мы не знали другой жизни. Думали, что кроме похлёбки и картошки больше ничего не существует. Но зато ждали новогоднюю ёлку. В конторе, где работал отец, ёлку ставили каждый год. Здесь работали, в основном учётчиками, две

девушки и несколько женщин, у которых мужья были на фронте. Этим женщинам с обездоленными детьми хотелось устроить праздник. И они старались — ёлку наряжали в бумажные цепи, которые клеили из старых газет и красили акварельными красками. О стеклянных игрушках и речи не было. Мама пели и плясали под гармошку, водили хоровод. А потом приходил Дед Мороз с гостинцами. Современная детвора, увидев такие гостинцы, рассмеялась бы. В кулке было несколько подушечек и ирисок, два пряника, орехи и булочка. И это было для нас так много!

Мне в детстве хотелось куклу с мигающими глазами, но родители не могли позволить такую роскошь. Куклы шили из тряпочек. Больше игрушек не было, кроме каучукового мячика, который мама привезла из города. Братья мои мастерили игрушки сами, делали скворечники, всякие

вертушки. Одежды тоже не было. Когда вернулся с войны Николай, мама решила из его большущей шинели сшить мне зимнее пальто. Снесла в артель «Швейник». Долго выкраивали из шинели мне пальтишко — она вся, как дуршлаг, была пробита осколками пуль и снарядов. Еле нашли четыре дольки, сшили крошечное пальто. В нём и в школу ходила, а в школе была стужа. Сидели одетые, высвободив из рукава правую руку. Пальцы распухали от холода, не сгибались. Учебник был один на пятерых. А бумага для тетрадей была вроде промокашки, напишешь слово — и оно расплзается. Кто-то писал на старых газетах.

Война закончилась, но долго ещё давала о себе знать... Мы берегли свою одежду, обувь, носили до тех пор, пока не развалится. Отлетит подмётка — мама соберёт в сетку всю обувь — и в «Энергию», и снова носишь. До сих пор сохранилась привычка: не выкидывать вещи, как будто будет ещё одна жизнь. Да и не надо второй жизни — больше всего не надо войны. Никогда!

А.И. ЛУКЬЯНОВА